

РЕЦЕНЗИИ

Кюршунова Ирина Алексеевна. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. — 667 с.

Вышел из печати «Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв.» — результат многолетней кропотливой работы его составителя И. А. Кюршуновой. В нем представлено около 3 000 антропонимических единиц, зафиксированных деловыми документами на территории Карелии и прилегающих к ней районов Северо-Запада России. Использован обширный список источников, включающий практически все наиболее известные деловые документы по территории Карелии XV–XVII вв. Заметно, пожалуй, лишь отсутствие «Поземельной книги Кексгольмского лена 1637 г.», связанное, очевидно, с крайним положением этой территории в составе Северо-Западной Руси и явным преобладанием прибалтийско-финского компонента не только в населении, но и в местном антропонимиконе.

Во введении подробно описаны принципы составления словаря и структура словарной статьи, которая представляется обоснованной и логичной. Автор, в частности, обращает внимание на то, как проводится связь антропонима с образовавшим его апеллятивом, в том числе и реконструирующимся по антропонимическим данным. Полезная информация о конкретных носителях некалендарных имен, прозвищ и патронимов — их социальном положении, профессии, месте проживания. В ряде случаев она дает основание для этимологической интерпретации. Так, представители некрестьянского сословия нередко оказываются людьми пришлыми, что допускает более свободное привлечение данных средне- и южнорусских говоров или тюркских этимонов, чем при интерпретации местных крестьянских прозваний (ср. *Асманов, Печенегов, Калычев, Талызин, Терпигорев, Салтыков* и мн. др.). Не менее полезно предпринимаемое в словаре привлечение в качестве сопоставления материалов по другим регионам, причем не только для выявления региональных особенностей и общерусских черт, но, добавим, и как критерия этимологии. Отсутствие параллелей за пределами Карелии — это знак для поиска местных языковых истоков антропонима, что, кстати, не всегда используется автором как критерий истинности этимологии.

Для проведения этимологии использованы материалы исторических, диалектных, этимологических и других словарей, обобщены результаты многих работ по ономастике и истории русского языка, о чем свидетельствует и солидный список литературы. При этом для значительного числа (если не большинства) антропонимов предлагается несколько возможных этимологических интерпретаций. Предпочтение отдается при выстраивании

порядка их следования данным русских говоров Карелии, что в принципе верно. Хотелось бы добавить к этому еще и учет географии бытования антропонима. Сомнительно, к примеру, возведение зафиксированного в Оштинском погосте, на южном берегу Онежского озера, прозвища *Керчуй* к беломорскому *керча* ‘рыба бычок’ или архангельскому *керч* ‘тундровое растение’, заимствованным соответственно из саамского и коми. Значительно более правдоподобным кажется связь с карельским (и, возможно, вепсским) *kerčči* ‘penis’, тем более, что подобная лексика востребована антропонимией. Возвращаясь еще раз к порядку следования возможных этимологий, можно предложить в некоторых статьях выстроить его иначе, вынеся вперед более вероятные с позиций системы номинации (см., например, статьи *Дягилин*, *Комар*, *Корбуев* и некоторые другие).

Так, при последнем примере — *Корбуев* — приводится пять возможных этимонов, из которых наиболее вероятным с точки зрения возникновения именованного является последний, пятый этимон, а именно вепсская лексема *korboi* ‘загуста из овсяной муки’, ибо в прибалтийско-финской антропонимии наименования жидких каш используются метафорически для обозначения неумного человека [Ruoppila, 1955, 235–238] и оказываются, таким образом, востребованы в антропонимии. Остальные четыре предполагаемых мотива возникновения фамильного прозвания не характерны или менее характерны для именованного людей. Кстати, названия видов каш активно используются «в качестве мотивировочного элемента для номинации лексико-семантической зоны “глупость”» и в русском языке [Леонтьева, 2008, 220], что дает основание связывать отмеченные в словаре как не имеющие ясных мотивов именованного *Бебенья* (*бебенья* ‘жидкое кушанье из солода’) или *Завалишин* (*завалиша* ‘овсянка, пойло для телят’) с семантикой ‘глупый’. Последняя, судя по материалам словаря, была продуктивна в местной русской антропонимии, как и ряд других семантических групп с негативной семантикой. Антропонимы, восходящие к лексемам со значением ‘болтун’, ‘лентяй’, ‘грязнуля’, представлены солидным списком каждый. Автор верно отмечает их культурологическое значение, связь с отражением жизненных ценностей. Добавим к этому, что мы имеем дело с законами именованного. Обилие антропонимов с негативной семантикой напрямую связано с теми целями, которые преследуются актом именованного. Главная цель именованного — отличать, дифференцировать от других. Поэтому в прозвищах закреплялся отличительный признак: на общем фоне умных, трудолюбивых и во всех отношениях порядочных жителей, составляющих большинство, носители прозвищ с отрицательной семантикой являлись исключением. Но как раз исключение было благодатной основой для называния. Оно дифференцировало, отличало от других и поэтому закреплялось в наименовании. Добавим, что такова же ситуация с негативными прозваниями и в прибалтийско-финском антропонимиконе [Карлова, 2004].

Если именованного с негативной семантикой связаны с отражением жизненных ценностей, то оттопонимические исключительно интересны тем, что обрисовывают границы ойкумены, как близкой (*Сумлянин*, *Сельжанин*, *Свирынин*, *Самозерец*, *Ровдуженинов*, *Пулозерцов*), так и отдаленной (*Сурожанин*, *Пинежанин*, *Новгородец*). Историко-культурную ценность имеют и другие семантические разряды антропонимов, к примеру, содержащие указание на профессию (*Бочевник*, *Гончаров*, *Скорняк*, *Маслеников*, *Жемчужников*).

Одновременно материал словаря — важный языковой источник. Возможности исторического русского словообразования демонстрируют представленные в словаре бо-

гатые ряды антропонимных образований от некоторых основ (например, *Белавин, Белашка, Белехин, Белков, Белов, Беляев, Белянин*). Интересно и полезно выявление в именослове характерных для русской антропонимии суффиксов *-ан* (*Горзанов*), *-ак* (*Ушаков*), *-ач* (*Ленгачев*) и др. Наиболее важный результат — это реконструкция для русского языка XV–XVII вв. целого ряда лексем, утраченных или зафиксированных в более поздних материалах.

Словарь не мог, конечно же, обойти вниманием прибалтийско-финскую составляющую в именовании. В нем несколько десятков статей, в которых предлагается прибалтийско-финская этимология для прозваний, зафиксированных как на территории современной Карелии, так и в Северо-Западном Приладожье. На самом деле их могло быть и больше, поскольку в некоторых случаях для имени с явными карельскими истоками предлагается русская интерпретация. В качестве примера отметим фамильное прозвание *Кочаков*, связываемое автором с онеж. *кочак* ‘вертикальный брус окна, стойка’ с неясным мотивом именованья. Значительно более естественной выглядит карело-вепсская этимология, особенно с учетом того, что фамильное прозвание фиксируется только в Карелии и не имеет аналогов за ее пределами: *kotšakka* ‘сердитый, капризный’ (здесь и далее карельские соответствия приводятся по KKS). *Пельякин* с вариантом *Пельяка* (добавим также вариант *Пеляка*, зафиксированный в [АСМ, 163]) имеет карельский прототип *Pölläkkä*, и сейчас существующий в Поморье [Кузьмин, 2007, 50], который входит в широкий круг именованья с основой *pöllä* ‘глупый’. Ойконим *Пельяки*, который предлагается автором в качестве истока для фамилии, на самом деле, видимо, как раз вторичен по отношению к антропониму, т. е. образован от него. Прибалтийско-финская этимология предпочтительнее, чем русская, для антропонима *Реняк* (карел. *röpäkkö* ‘морщинистый’ или ‘со следами оспы’), что ставит под сомнение реконструкцию апеллятива **реняк* ‘надоедливый, неотвязный’ или ‘ворчливый человек’ для русского. Прибалтийско-финские истоки, вписывающиеся в систему традиционных именованья, можно предложить для *Торх* (карел. *torhu* ‘о говорящем громко’), *Ушкалов* (древнее прибалтийско-финское личное имя *Uskali*, производное от глагольной основы *uskal-* ‘сметь, осмеливаться’, ср. *uskalikko* ‘смелый’ [см., например: Муллонен, 2008, 154]), *Тюбаков* (карел. *tyräkkä* ‘бестолковый’), *Мустар* (древнее прибалтийско-финское личное имя *Mustari*, входящее в ряд подобных именованья, в которых суффикс *-ri* оформляет глагольную основу, в данном случае *muista-*, *musta-* ‘помнить, понимать’), *Губаков* (*hupakko* ‘о недалеком, говорящем глупости’). Они просматриваются и в антропонимах *Кастиев, Чумбур, Шупаников, Углоев, Киндицев, Ланяков* и ряде других, анализируемых в словаре как имеющие славянские истоки. Карельские и вепские корни возможны и для некоторых антропонимов, которые отмечены в словаре как не имеющие ясной этимологии: *Мярмейко* довольно убедительно может быть возведено к карельскому именному производному от глагольной основы *märmätteä* ‘ворчать’. В некоторых случаях возможно уточнение приводимой автором прибалтийско-финской этимологии. Так, например, для *Мугуй* кажется более предпочтительным карел. или вепс. *muhi* ‘улыбка’, которое, в отличие от предложенного в словаре *muhju* ‘маленький окунь’, востребовано в прибалтийско-финской ойконимии. В основе фамилии *Гютюев* прибалтийско-финский антропоним *Huutiä*, от *huutiä* ‘филин’, продуктивный в традиционной карело-вепсской системе именованья [Муллонен, 2008, 156], а для *Габунова* совсем необязательно предполагать описку от изначального *Габунов*, поскольку оно может восходить к карел. *haruna* ‘бодрый, решительный’.

Добавим к этому, что, видимо, не вполне корректно реконструировать для русского языка XVI в. некоторые лексемы, заимствованные из прибалтийско-финского источника, только на основании того, что они употреблены в это время в фамилиях, поскольку на самом деле они присутствуют в документах как фамилии карелов (вепсов) и, следовательно, могут рассматриваться как факт прибалтийско-финской речи. В качестве примера: за фамилией Сеньки Курикова в карельском Панозерском погосте совсем необязательно видеть заимствованный из прибалтийско-финских языков Карелии в русские говоры *куруик*, логичнее предполагать его карельский оригинал *kurikka* > *Kurikka* 'о недалеком человеке', точно так же, как прозвание кемлянина Равды Кобринина естественно возводить к карельскому антропониму *Kopra, Kobra* < *kopra, kobra* 'горсть, ладонь', а не к заимствованному в русские говоры Карелии *кобра*. Неубедительным выглядит и реконструкция для русского языка XVI в. лексемы **линдач* на основании фамилии *Линдачев*. Надо полагать, что Сенка Линдачев, житель традиционно карельского по населению Селецкого погоста, был карелом, а поэтому в истоках его фамилии ничто не мешает видеть карел. *linta, linda* 'сваренная на молоке жидкая мучная каша', производное от которого *lindač* используется и в современной карельской системе именований как прозвище недалекого человека.

Вообще в связи с представленностью в словаре местных прибалтийско-финских антропонимов встает вопрос о том, почему их в целом не так уж много. Главная причина заключается, очевидно, в том, что документы фиксируют у крестьянского населения, как правило, имя и отчество, по которым православных русских и карелов различить нельзя. Родовые прозвания приводятся лишь в редких случаях, и именно они указывают на карельские корни их носителей: *Игнатко Федоров сын Пелвиев* или *Михалко да Мыртышко Семеновы дети Руйпины* в Селецком погосте. Наоборот, представители некрестьянского сословия: землевладельцы, духовные лица, служилые люди, жители городского посада — ремесленники, торговцы — значительно чаще названы в документах по фамильным прозваниям. А поскольку среди них было немало пришлого, неместного населения, то при знакомстве с материалами рецензируемого словаря может сложиться превратное впечатление о преобладании, например, на территории северной части Водской пятины в XVI в. русского, а не карельского населения, как это было на самом деле. Кроме того, автор, видимо, сознательно сделал упор на славянский материал (во введении отмечается роль словаря как своеобразной «энциклопедии русской души»), опуская ряд антропонимов с возможной прибалтийско-финской этимологией. К примеру, из нескольких десятков карельских именований Дозорной книги Лопских погостов лишь треть попала на страницы Словаря. Из Писцовой книги Водской пятины 1568 г. оказались непроанализированными *Гамалов, Туккуев, Вансюев, Кильчиев, Райвуй, Гойкула, Папынев, Пугпуев, Терруев, Лахкуев, Полтюев, Ваккуй и Ваккуев, Рягин, Кетчюев, Репчюев* и некоторые другие фамилии. Такова же в целом ситуация и по другим источникам. В совокупности с отмеченной выше русской языковой интерпретацией ряда нерусских антропонимных основ это действительно сводит прибалтийско-финский компонент к минимуму и не дает в полной мере объективной картины о ситуации в средневековом именовании людей в Северо-Западной Руси, где прибалтийско-финский этнический компонент играл существенную, а на территории многих погостов (в действительности, видимо, в подавляющем числе погостов, с учетом этнической ситуации трехсотлетней давности) и главенствующую роль. На самом деле, учитывая эту ситуа-

цию, следует задаться вопросом, почему иногда на территории погостов, традиционное население которых было практически полностью карельским или вепским, фиксируются некалендарные русские имена, прозвища, фамильные прозвания. Что это: проникновение русского населения или проникновение русской антропонимии в иноязычную и инокультурную среду?

В связи со сказанным, видимо, было бы правильно и полезно подробнее описать во введении как сами источники материала, так и основные принципы именования людей в официальных источниках XV–XVII вв. Очень полезна была бы информация об этническом составе населения той территории, которая охватывается привлекаемыми источниками XV–XVII вв., а также краткая историческая справка о формировании населения. Само собой, в такого рода источниках можно только приветствовать карту, отражающую административное членение территории. Далекое не в полной мере проработанная литература по прибалтийско-финской антропонимии, в том числе и зафиксированной в Карелии.

В заключение некоторые разрозненные частные замечания. В статье *Лопинов* упоминается лопенин Гришка Меркурьев из Ялгубы, который, конечно, был не саамом, как вытекает из статьи, а карелом. Этноним *lappi* (лопь) широко бытовал в Карелии как название и самоназвание карелов и карельского языка (ср. карел. *lapikse pagizou* ‘говорит по-карельски’). Название присвирской деревни *Мятусово*, вопреки реконструкции автора, не содержит в своей основе антропонима, оно восходит к географическому термину, ср. вепс. *mättaz*, карел. *mätäs* ‘бугор, кочка’. Данный термин исключительно продуктивен в топонимии Карелии. Степан Родионов сын *Ловушка* и Степан Родионов сын *Лопушка* из Панозерского погоста — один и тот же человек, поэтому нет смысла разводить их по разным этимологическим статьям. Наличие вариантов объясняется, по всей видимости, характерным для карельского языка чередованием согласных *p* : *v*. Если *Жерноков* — ‘тот, кто наковывает жернова’, т. е. сложное слово, то почему оно возводится к существительному *жернок*? *Ладожанина* правильнее связывать не с Ладожским озером, а с г. Ладогой. Прибалтийско-финская лексема *tylppä* ‘тупой’ (статья *Тюльпин*) представлена в словаре как славянское заимствование (с. 551), что противоречит этимологической традиции, установившейся в финнистике, считающей слово исконным прибалтийско-финским производным, входящим в одно гнездо с целым рядом суффиксальных образований (*tylmä*, *tylkeä*, *tyly*), среди которых и карел. *tylčča* ‘глухой’ [SSA]. Последнее, кстати, представленное в словаре в самостоятельной статье *Тюльча*, не рассматривается автором как заимствование. Понятно, что при выполнении такого обширного и по материалам, и по задачам проекта, каковым является рецензируемый словарь, трудно избежать отдельных недочетов, подобных этим.

Завершая рецензию, отметим еще раз, что проведена большая и полезная работа по реконструкции русской некалендарной антропонимии Карелии и прилегающих к ней территорий. Впервые она предстала в такой полноте и глубине. На этом фоне и с учетом высказанных выше размышлений об отражении в словаре прибалтийско-финского компонента становится очевидной необходимость проведения подобного исследования по традиционному карельскому и вепсскому именованию.

- АСМ — Акты социально-экономической истории севера России конца XV–XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990.
- Карлова О. Л.* -Л-овая модель в ойконимии Карелии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004.
- Кузьмин Д. В.* К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте. Петрозаводск, 2007. С. 20–89.
- Леонтьева Т. В.* Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург, 2008.
- Муллонен И. И.* Топонимия Заонежья. Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008.
- KKS — Karjalan kielen sanakirja. 1–5. LSFU XVI. Helsinki, 1968–1997.
- Ruoppila V.* Vajaaälyisen kuvaannollisia nimityksiä // Virittäjä. 1955. № 3. S. 222–238.
- SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. SKST 556. Helsinki, 1992–2000.

И. И. Муллонен